

The book cover features a white background with a halftone dot pattern. Large, expressive splatters of red and yellow paint are scattered across the surface. Several bullets are depicted: one in the top left corner, one in the middle right, and one in the bottom center. A red rectangular box is positioned in the upper left, containing the author's name and the title. The genre 'Poema' is written in the lower left of this box. A circular '16+' age rating is located in the bottom right corner.

Артеменко Игорь

Дневник Еврея

Поэма

16+

Игорь Олегович Артеменко

Дневник еврея. Поэма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57487176

SelfPub; 2020

Аннотация

А что может быть страшнее, чем оказаться ребенком в еврейской семье в 30-40 годы на территории Германии, потерять маму и остаться одному против тех, кто считает тебя злом, пусть даже ты им ничего не сделал.

Наверно, мой дневник найдут

Ах, как бы мне хотелось

Те, кто не знали, все поймут,

Ведь истина не делась.

И если ты решишь читать,

Мой друг, мое творение,

Тебе придётся тут познать

Печальных строк мгновенье.

Меня назвали Эдуард,

А папа мой – Савелий

И он – герой войны наград,

Заслуженных на деле.

Он был на первой мировой
Войне за интересы,
Там был отмечен он звездой,
Что на пиджак навесил.

В боях ранение получил,
Но после шёл в сражения,
За власть Германскую он бил
Врага без сожаления.

А после той большой войны
Вернулся он с звездою
И шрамов яркие следы

Скрывал копной седою.

Ушёл со службы на покой

И жил гражданской жизнью,

Открыл в Берлине книжный свой,

Гордился книжной мыслью.

Любил читать и книги чтит

И нам привил потребность,

Наук величие возносил,

Писателей бессмертность.

И папин книжный магазин

В округе многим знали,

На город был такой один,

Где книги продавали.

Где можно классику найти

Или научный томик,

Где книги были о любви,

Истории и хроник.

У папы нашего детей:

Три дочки и мы с братом

Наверно, нет семьи дружней

с столь сильным концентратом

Мой братик – лет ему так семь,

И он читал нам книжки:

О покорителях морей,
и Питэре парнишке.

Мечтали вместе, с братом мы,

Устроить приключения

Чтобы летать по верх волны

Под тучами забвения.

Чтоб хочешь, к острову лети,

И разместить на пальме.

Или на пик большой горы,

К дверям драконий спальни.

Рубеном звался братик мой,

Начитанный и умный,

Веселый, с доброю душой,
местами очень шумный.

Бывает, вычитал сюжет
и хочет поделиться,
как в книге рыцарь был воспет,
в темнице что томится.

Как грязно, сыро и темно
в тюрьме подвала замка.

Как кушать хочется давно,
А он для крыс приманка.

Уставший, руки в кандалах,

Живот урчит от боли.

С удобства лишь есть старый плах

И мысли лишь о воли.

Рубен был сильно потрясен.

Как рыцарь был не сломлен,

Что он находчив и умен,

И враг им был разгромлен.

С Рубеном часто я играл

И с Адамом соседом

В войнушку, палками стрелял.

Войною был неведом.

Для нас, ребят, это игра,

не больше и не меньше,
в нее играло пол двора
и правила простейши.

Кричишь: «убит», и ты убил

Или тебя убили,

Нацелив прямо палки спил,

Засады мы любили.

Бывает, дерево займешь

с ребятами в команде.

И знак атаки жестом шлешь

Своей военной банде.

И Адам сразу выдает:

«Убит, убит, ты тоже!»

Рубен за ним, чуть горло рвет:

«Тот снизу уничтожен!»

Мы с Адамом друзья давно,

не помню, как сдружились.

Да это и не всё ль равно,

Как судьбы наши свились.

Еще хочу вам рассказать

Я о сестре Адама,

Чтоб вы могли немного внять,

На сколь храбра, упряма.

Элен – ровесница моя,
Нам с ней по девять было,
Запал, как будто из ружья,
Напором в цель забила.

За брата или за меня
Ей часто доставалось,
Когда постарше ребятня
Активно задиралась.

Была не меньше другом мне,
Чем Адам, мой приятель,
Мы были на одной волне,

Наш дружбы показатель.

Искусно локоны плелись,

Улыбка, как с картины,

И ямочки у губ свелись,

Глаза, как две пластинки.

С красивой внешностью Элен,

Характером тигрицы,

Была достойна гобелен

По образу «Жар-птицы»

Еще хочу вам рассказать,

о сестрах и о маме,

чтоб всю картину передать

в широкой панораме.

Алана, старшая сестра,

Шестнадцать лет с рождения,

Активна, добрая, шустра

Без права осуждения.

Она за домом приглядит,

Накормит нас перловкой,

Всегда на кухне норовит

Помочь семье с готовкой.

Алана будет скоро врач,

Ее мечта из детства,

Пройдя все тяготы задач

С упором и без бегства.

Она идет к своей мечте

спасать людские жизни.

Чтоб помогать больным везде,

Полезной быть отчизне.

Еще две младшие сёстры

Диана и Лиора.

Одной – уж пять, второй – лишь три

Ждут день рожденья скоро.

А маму звали Элита,

Она вела хозяйство,

Великолепие быта

И властелин убранства.

И мама наша все могла,

И все она умела,

Давая в доме нам тепла,

Прекрасно знала дела.

И по субботам всей семьей

Мы проводили время,

И жизнь была такой простой,

Не предвещала темя.

К нам 33 год пришёл

Двадцатого столетия,

Политик на престол взошёл

С речами про бессмертие.

Его все знали по стране,

Как Гитлера с идеей,

Он был готов к любой войне,

Считал, что зло в евреях.

Считал, что немец, он – другой:

Святой душой и телом,

Что властен он над всей землёй

И правит он Эдемом.

Его культуру внял народ,

Обиженный на лица,

Гонимых всюду от господ

Без жизни в той столице.

И с каждым годом все сильнеей

Меняли облик люди:

Повадки, взгляды что пустей

Искариот Иуды.

Когда все только началось

Мы с Элен были в парке,

Нам тут препятствие нашлось -

Нельзя сидеть на лавке.

К нам подошла толпа людей

И жёстко пригрозила,

Идти отсюда прочь скорей,

Пока кровь не пролита.

Что лавки только для людей

Германской чистой расы,

И что вольеры – для зверей,

Что держат денег кассы.

И мы ушли, гонимы в след

От брани и позора,

И сложно было дать ответ

Толпе с проклятым взором.

Когда добрался я домой,

Решил спросить у папы:

«Зачем тревожат наш покой

И правда тут была бы?»

Отец надуту слушал речь,

Смотря в горячий ужин,

И страшно было мне от встреч

С глазами, он сконфужен.

В момент он слово проронил:

«Беда для нас, родные,

Забудь про город, что любил

Теперь мы тут чужие.

Нам нужно срочно уходить,
Уехать за границу,
Нам не дадут тут больше жить,
Покинем мы столицу».

И он велел собраться нам
в дорогу, быстро, лихо,
Но мама, возразив словам,
Сказала очень тихо:

«Зачем нам покидать свой дом
И уезжать далеко,
За мерзость в парке за окном,

Ведь мысль их убога,

Нам есть, чего терять теперь

И нас нигде не встретят,

Я не хочу таких потерь

Нам там ничто не светит».

Они бы спорили, кто прав,

Но в двери постучались,

Конфликт дискуссий в миг погас,

Лишь взгляды заиграли.

На улице кто-то бранил,

Ругался, что есть силы,

Кричали, что бы отварил

С агрессией порывы.

И папа нам велел идти

И затвориться в спальне,

Засесть в объятьях темноты

Присутствие нас – в тайне.

Мы сделали, как он сказал,

Засели под кроватью,

А папа к двери зашагал,

За коей крики с бранью.

Он отворил и отошёл,

И в дом толпа влетела,

Сосед за ними в след зашёл
в мундире офицера.

Сосед, который дружен был
И знал меня с пелёнок,
Через дорогу от нас жил
Назвал отца «жиденок».

И маму он толкнул в плечо,
Назвал ее еврейкой,
Что ненавидит горячо
Еврейскую лазейку.

Отец вступился за неё
И кинулся к соседу,

Схватил мундирное тряпьё

И оборвал беседу.

Но тут же получил в ответ

От мужика у входа,

И пол залило крови цвет

Под крик: «Жидов порода».

Они накинулись, как зверь,

Что загоняет жертву

И били страшно, ты поверь,

Не говоря ответу.

Вопросы, что отец кричал:

«За что вы так жестоки?»

К смирению бесов призывал,

Но слышал лишь упреки,

Что мы, евреи, – не народ,

А кучка жалких воров,

Что уничтожат весь наш род,

Лишат земли просторов.

И я не смог это смотреть,

Окрикнул этих мразей,

Ведь не возможно тут терпеть

Садистских безобразий.

Я кинулся на одного,

Что бил отца исправно,

Ударил по носу его

И получил обратно.

Удар коснулся чуть лица,

Я пал и отключился,

Запомнил лишь отца слова,

Как он на них бранился.

Я слышал крики от сестёр

И звонкий голос мамы

И вмиг пропало все, как стёр

Злой режиссёр сей драмы.

Очнулся, дома никого,
Лишь гул в ушах и слабость,
В крови засохшей все лицо
И за родных – страх, жалость.

Во всей квартире кавардак,
Разбитая посуда,
Зачем устроили сей мрак,
Зачем пришли, откуда?

Куда ушла моя семья?
Иль увели насильно?
И в этом есть моя вина,
Ах, на душе противно.

И я от страха зарыдал,
Кричал неугомонно,
Где сестры я не понимал,
Была б судьба к ним склонна.

Истерика пошла на нет
И вмиг собрался с духом,
Найти родных я дал обет,
Вдруг дверь раздалась стуком.

И я помчался открывать
В надежде, что родные
Не мог я их заставить ждать
Ах, счастье, что живые.

Когда открыл, увидел я

Друзей моих, но грустных

У них есть вести о родных,

Что к ночи их отпустят.

У Элен папа вхож в круга

Чиновников из власти,

И о родных он знал тогда

О страшной той напасти.

И я немного отошёл,

Родных решил дождаться,

Ребят на чай я в дом привёл

И попросил остаться.

С Адамом долго я решал,

Куда же мне податься,

А тут- печальный ждал финал

И есть, что опасаться.

Решили, надо в Лондон мчать

И там просить спасенье,

О власти страшной рассказать

И о людском гонении.

Болтали долго, до темна

Но где мои родные?

В окне зловещая луна,

Предчувствия дурные.

Адам пытался прибодрить,

Сказал: «Они найдутся,

И будете, как раньше жить

Ты жди, они вернутся".

Я верил, как без веры быть,

Но страх преобладает,

Не мог я ужаса забыть,

Что мною управляет.

Мы ждали, ждали их приход,

Но час сменился вечным,

Минуты тянутся как год,

А ночь уж бесконечна.

Элен как сонная сидит,

Устала от тревоги,

Адам глазами видно спит,

Мой взгляд застыл в пороге.

И я решился попросить

У Господа спасенья,

Просил за все меня простить,

Избавить от мучения.

Просил вернуть домой родных

Живых и невредимых,

Просил у всех, что знал, Святых

Спасти моих любимых.

И не заметил, как заснул,

Уставший от бессилия,

И сна величия разгул

Я встретил в изобилии.

Там были все, отец и мать,

Сестренки и мой братик,

Мы шли по площади гулять,

Там был какой то праздник.

И люди, подались вперёд,

Счастливые с цветами,

Какой-то голос их зовет

Манящими словами.

А голос чистый, ясный звал

Святой, красивый голос

И так загадочно играл

Гонимый ветром волос.

А мы идём и смотрим в даль,

И голос уже рядом,

Наверно, прямо встретим рай,

Не может быть он адом.

Но тут застыл родной отец

И взял меня за руку,
Сказал, пока не ждёт Творец,
прими эту разлуку.

Но я хотел, туда, где все,
Хотел туда, за мамой,
Да к нашей радостной семье,
Отец же мой упрямый

Схватил и тянет от толпы
Обратно, голос тише
Напротив общей той судьбы
От Света, что был свыше.

И я проснулся ото сна,

Смотрю, а Элен нету,

Лишь солнце светит из окна,

Готовя нас к Рассвету.

Я так весь день сидел и ждал,

Семью, что будет рядом.

Себя надеждой утешал

На позитив зарядом.

Уже темнеет во дворе,

И день идет к финалу.

Как я скучаю по семье,

Надежда мчит к провалу.

Но нет семьи, я обыскал
Весь дом в надежде сложной,
Тогда я к Элен в миг помчал
Дорогой осторожной.

Бежал и пятился назад,

Искал глазами маму

И мысли были невпопад,

Рисующих мне драму.

Добрался, начал колотить

По двери, чтоб открыли,

Просил у них меня впустить,

Чтоб правдой одарили.

Открыл неспешно их отец,
И я к нему подался,
Кричу: «Живые иль конец?»
И взгляд мой заметался,
«Ведь вы сказали, что придут,
Сказали, будут в темень,
Сказали, что не пропадут,
Где правда? Слов сплетений».
Отец ребят впустил меня,
Сказал: «Есть вести злые!»
И он интригую маня

Поведал, где родные.

И начал он рассказ с того,

Что власть сейчас жестока,

Свой план построила давно

Нацистского порока.

Решила вычистить страну,

А там и мир от люда.

Как будто слышит сатану

И враг его Иуда.

«Ты знай, твоя родня жива,

Их держат на допросе,

Решается семьи судьба,

А время тут в вопросе.

И ты сегодня должен быть

Сильней, хитрей и лучше

Иметь увёртливость и прыть

Душою не заблудшей.

Молиться, Господа просить

О здравии любимых,

За зло людей уметь простить

Навязчивых и мнимых».

И слушал я его урок,

Советы, наставления,

Но тут он вмиг застыл, умолк

И прекратил учение.

Смотрел куда-то за меня,

В окно глубокой ночи,

Интригу взглядом он храня,

Напрягся что есть мочи.

И прошептал: «Там кто-то есть

Я видел людей тени,

Тебе нельзя быть больше здесь,

Нельзя без заблуждений.

Ты уходи сквозь чёрный ход,

А я пойду открою,

И посмотрю, что за народ

Толпится за стеною».

Он приоткрыл, и я исчез,

Промчал в потоке ночи,

Бежал, как будто мчался бес,

Не думая о прочем.

Бегу, и чувство что один,

Один на белом свете,

И мрак рисует мне картин

В довольно тусклом цвете.

«Что делать мне, дай, Бог, ответ,

Ведь я ещё ребёнок,
Верни родных, я дам обет
За жизнь моих сестрёнок.

Я буду праведность нести,
И буду чтить каноны,
Позволь семью мне обрести,
Услышь мольбы и стоны».

Я не заметил, как дошёл
До дома, дверь открыта,
Слезу рукой я вмиг протер,
Волнение забыто.

С порога вижу я отца,

Как он по дому мечет,
На нем не видно и лица,
Гримасой изувечен.

«Ах! Папа, где ты был?
Где мама? Остальные?»-

Ему с порога заявил,
Смотря в глаза рябые.

Отец в испуге посмотрел,
И мне от взгляда страшно,
Нарушил тишины пробел
И произнёс протяжно:

«Бери, что нужно и пошли,

Остаться тут опасно,

Я все поведаю в дали,

Надежды тут напрасны.

Нас ждёт за городом семья,

В испуге, у вокзала,

А тут нас предала страна,

Врагами нас признала».

И я послушно побежал

Взять все, что пригодится,

Тревога в папе, как сигнал,

Что стоит суетиться.

Схватил вещей, и трамбовать

В рюкзак, подарок мамы,

Что происходит не понять

За этими стенами.

Зачем нас гонят из страны,

В которой мы родились,

За что мы крова лишены,

За что на нас сердились.

Вопросы есть, а где ответ?

Пока сложил что нужно:

Пальто, носки, штаны, жилет.

Немного стало душно.

Я думал и искал, что взять,

Что б было чем согреться

И на вокзале ночевать,

Теплее там одеться.

Собрал, сложил и побежал

К отцу, что в доме мечет,

А он уже вещей набрал

И что-то там лепечет.

А как увидел, сразу стих

И нацепил медали,

Что в первой мировой достиг,

Наградой ему дали.

Сказал, чтоб имя я забыл

Его и своё тоже,

И национальность свою скрыл,

Так будет нам дороже.

И мы, собрав вещей, пошли

По улице родимой,

В дали безумцы что-то жгли,

Крича на люд гонимый.

Толпа, лишь крики, хохот, смех

А мы идём что тени,

Наверно, нам это за грех

Те взгляды, что с мишени.

Крадёмся, опустив глаза,

Прижавшиеся друг к другу,

По сторонам слегка кося,

украдкой от испугу.

Прошли наверно, пол пути,

Я взмок от напряжения,

И страх повисшей тишины

Нам сковывал движения.

Ещё квартал и мы дошли,

Я вновь увижу маму,

Уже вокзал, видать вдали

Фасада панораму.

Отец в момент замедлил шаг,

И я за ним попутно,

Мы лихо сделали зигзаг,

А дальше все – минутно.

Нам крикнул кто-то: «Эй, жида.»

И свистнул что есть силы,

Услышал топот чехарды,

Бежали к нам громилы.

Отец хотел достать медаль

И показать бегущим,

У одного сверкнула сталь

Ударил он секущим,

Прошёлся лезвием легко,

Как будто вскрыл конверты,

Отец охрип так тяжело,

Успел сказать лишь: «Черти».

Я кинулся в преграду им,

Закрыв собою папу,

А он упал, упал глухим

И испустил лишь храпу.

Я заорал и прыгнул в миг

На тучного, что с финкой,

Его удар меня настиг,

В живот пришёл ботинком.

От боли скрючило меня,

И я назад подался,

Пригнулся, шёпотом стоня,

Упал, не удержался,

Я смутно помню: как и что,

Мне не было тут дела,

Я плакал за отца моего,

При виде его тела.

Ещё ударов получил:

В лицо, живот и спину,
Последний – в нос меня добил
И отключил от миру.
Потом сознание потерял
И долго был в отключке,
Распластанным как труп лежал,
Во всей этой толкучке.
Пришёл в себя, уже светло,
Да солнце ярко слепит,
Пока я спал, оно взошло
И стекла в окнах треплет.

Я смог привстать и посмотреть

Как там отец, живой ли,

Его не смог я лицезреть,

А только лужу крови.

Наверно, выжил он в ночи,

Но почему оставил?

Возможно, эти увели?

Я факты сопоставил.

Лишь осмотревшись, понял я,

Дела мои не очень,

Возможно, сломана нога,

И нос мой кровоточит.

Но для меня все ерунда,

Тут цель сейчас не эта,

Я громко начал звать отца,

Ведь нет его и следа.

Кричал, как мог, что было сил,

Орал, как звонкий сокол,

Прохожего о нем спросил,

А тот подался боком.

И я со страху зарыдал,

За что такое с нами,

Куда отец же мой пропал,

Залился я слезами.

Рёву и страшно за него,

Убили эти твари,

Ведь он ни сделал ничего,

А на отца – сафари.

Рыдал, и боль во всей груди,

Нога болит истошно,

Но понял, надо мне идти,

Сидеть тут безнадежно.

А люди ходят, кто куда,

Меня не замечая,

Как будто я тут «пустота»,

И не сажу страдая.

Но чуть поодаль я поймал,

Глаза кривой старушки.

Она сказала, чтоб я встал,

Иначе я в ловушке.

Я ей ответил: «Не могу,

Нога, не опереться».

Она сказала: «Помогу,

Ты должен притерпеться».

Я попытался чуть привстать,

Упор сделал на бабку,

Больную ногу подгибать

Пришлось мне для порядку.

Мы захромали прочь долой,

От слов ее печально,

Она сказала, что домой

Нельзя мне изначально,

Что безопасней у неё

И мне она поможет,

Что дома ждёт меня зверьё,

Способно изничтожить.

Спросила имя: «Как зовут?»,

И я ответил: «Эдик».

«Ты знай, сынок, что изведут

За фюрера портретик,

Настали жуткие деньки

Для вашего народа,

Вас истребят не по-людски

Всех до седьмого рода.

Я слушал и хромал за ней,

Не понимая толком.

Кому нужна гора смертей?

Кто выбрал своим долгом?

Убить отца? и гнать людей,

Что жили по соседству,

Они нас знали как друзей,
Ведь мы росли тут с детства.

Я думал, как же там семья,
Что на вокзале ждала.

Не пали так же от зверья?

Расправа не застала?

И как сказать им: «Нет отца!»

Что умер он мгновенно,
Про тот удар от подлеца,
И тело его тленно.

Пока я думал, мы дошли

До дома, что был ветхим,

Вокзал остался позади

Хоть он и был заветным.

Старушка помогла зайти

И подвела к кровати,

Больную ногу занести,

Улёгся я, так кстати.

Уснул, наверно, я в момент,

Иль потерял сознание,

Забыв ночной свой инцидент,

Отцовское скитание.

Очнулся от горячих рук,

Что обтирали ногу,
Она болела как недуг,
Дарящий мне тревогу.

Смотрю, а бабушка сидит,
Склонившись надо мною,
Читает что-то на иврит,
Чуть шевеля губою.

Увидя, я уже не сплю,
Она мне улыбнулась
«Давай тебя я покормлю»:
Старушка потянулась,

Взяла тарелку, в ней был суп,

Из рыбы, чуть горячий,

И ложечка касалась губ,

Я ел его лежащий.

Откушав бабкиной ухи,

Я задал ей вопросы:

Какие у отца грехи?

И кто эти разносы?

Где его труп? И как хранить?

Поможет встретить маму?

Когда закончат все громить?

И как пресечь сею драму?

Старуха слушала меня,

Но только лишь кивала ,

Под нос себе что-то бубня,

Ответов не давала.

Привстала и ушла совсем

Вопросов еще много,

И кто она, спасла зачем?

Добра ко мне иль строга?

Что ждать? Как быть? Куда идти?

Да и смогу я это?

Убьют те звери на пути?

Сживут меня со света?

Закрыв глаза и задремал,
Лишь боль в ноге гудела,
Стреляя вспышкой, как сигнал,
Потряхивая тело.

Проспал прилично, долго спал,
Открыл глаза, тут стуки.
Стучали сильно, наповал,
раскатистые звуки.

Старушка слышу, отперла,
Впустила голосивших,
На диалог их завела,

Гостей тех посетивших.

Я слышал краем уха их,

Вопросы задавали:

«Что нет ли в доме тут чужих?

Кого с дороги брали?»

«Где тот юнец? Кто он такой?»

Она сказала: «Внучек»

Что он лежит давно больной

И не ведёт отлучек.

Они прошлись, зашли ко мне,

Мое спросили имя,

Заерзал я на простыне,

От взгляда – нелюдима.

«Я – Клаус»: выдал имя им,

Один аж, пошатнулся:

«А документом подтвердим?»

К старушке оглянулся.

А бабка, зная наперед

Такие повороты,

Сказала: «Позже принесёт,

Документы с работы».

Что подработка у неё,

И там она забыла,

Что уже старая бабьё,

Улыбку расстелила.

Тот говорящий закачал

большую головую:

«Ты принеси, чтобы я знал,

А то я вам устрою!»

«А что с ногой?» – спросил меня

И тут я растерялся,

Старушка тему оценила,

Сказала: «Он подрался».

Что во дворе поймал жида,

Решил поддать ей-богу,

Но это была западня,

Ему сломали ногу.

Поверил он иль, может, нет,

но явно дался дива,

возможно, бабушкин ответ,

Звучал весьма правдиво.

Он осмотрелся и ушёл,

Старушка шла спровадить

Орду, которую привёл,

Подальше от кровати.

А дальше, счастье тишины,

Что все благополучно,
От злого рока спасены,
Старушка то – научна.

Находчивость – ее конёк,
За все ей благодарность,
Что провела их за порог,
Рассев в них коварность.

Вернулась, села на кровать,
По-доброму в улыбке
«Ты – Клаус»: буду называть,
хохочет голос хлипкий.

«Спасибо вам, я очень рад,

Что Вы пришли на помощь,
Должник я ваш за променад,
Спасли меня ещё раз».

И бабка принялась сказать,
С чего она хлопочет,
С чего решила защищать,
И что от меня хочет.

«Я расскажу тебе, внучек,
Где сын, с чего разбита,
На нем повешен был значок
Большой «Звезда Давида»».

Звезда нашита на груди,

Она была отметкой,

Что отличала нас среди

Людей, что с этикеткой.

И он обязан с ней ходить

Везде, где только можно,

Арийцев всех боготворить,

Что было так ничтожно.

Ему мог крикнуть стар и млад:

«Еврей, жида порода!»

И продолжался этот смрад

По времени – полгода.

А как то вечером он шёл,
Его схватили люди,
На коих как-то он набрёл,
Он их просил о чуде.
Чтоб отпустили, дома мать,
Она больна, старуха,
Что он не должен тут страдать
И получать за ухо.
Им было хорошо пинать
Его худое тело,
Что полицейай не мог разнять
И не хотел лезть в дело.

Они долбили по нему
Руками и ногами,
Закрывшись, он читал псалом,
Удары как цунами.

И полицай лишь лицезрел,
довольный и с улыбкой,
Не видя в этом беспредел,
преступною ошибкой.

Когда цунами разошлось,
И отступили тени,
Пред ними тело поднялось,

Стоял он на колене.

Читал молитву и стоял

В крови, согнувшись с боли.

Наверно, смерть давно принял

Без сострадания роли.

Я прождала его всю ночь,

А утром рассказали,

Как он покинул сей мир прочь

И труп его убрали.

Осталась лужица крови

И ворот от одежды,

За что его так извели,

Деяния их невежды.

А тело я потом нашла

У выгребной канавы

И захоронить его смогла

без почести и славы.

На свете нет страшней беды,

Чем пережить детину,

Не пожелаю никому

Увидеть сей картину.

Старушка облилась слезой,

Пока вела рассказик,

От муки этой затяжной

Рыдала где-то с часик.

А я смотрел и холодел

От бесов, что способны

Чинить подобный беспредел

И почему так злобны?

На люд, который не причём,

Что он родился с верой,

Не позволял себе Содом

Или другой манеры.

Старуха, выплакав удел,

Ушла за двери спальни,

Ее страданиям предел,
Душевных мук терзаний.

Я не остался в стороне,
Душой завёлся тоже,
Подумал о своей семье,
Дай им здоровья, боже.

Как они? Живы? Может, нет?

Покинули ли город?

И где узнать, найти ответ,

Сомнения во мне спорят.

И я решил – все хорошо,

Не стали дожидаться,

Покинули страну давно,

Им удалось прорваться.

А я пока останусь тут,

С старушкой безопасно,

Тем более ей пригожусь,

Одной ей быть ужасно.

Я помогал по дому ей,

Что было в моих силах,

Старушка стала мне родней,

Как образ на светилах.

Ещё недели две лежал,

А после встал с кровати,

Нога прошла, едва хромал,

уж незаметно, кстати.

Я мыл полы, посуду, мёл.

Следил за чистотою,

За домом муравьёв извёл

И стриг траву косою.

Но за забор не выходил

Я от греха подальше,

Там неприятностью грозил

Тот идеал из фальши.

О доме часто думал я,

О маме и о сёстрах,

Наверно, брат подрос слегка,

Теперь, с меня он ростом.

Пройдёт чуть время, и тогда

Наладится порядок,

Вернётся в дом моя семья

И мир, что был так сладок.

Пока же время ужасать.

И по ночам гул, крики,

За окнами твердят спасать

Нацистов святы лики.

Спасать от армии жидов,
Что изъедают земли,
И иудейский стан домов
Поджогами, чтоб внемли.

И вот старушка испекла
Мне торт для угощения,
Сегодня праздник у меня,
Сегодня день рожденья.

Мы пили чай и ели торт,
Общались и грустили,
Для нас двоих это комфорт,
Покой, что мы хранили.

Я раньше по ночам страдал,

Ревел без сожаления,

Надежду в матери искал,

Любовь и умиление.

Сейчас я чувствую, взрослей

Уверенный и твёрдый,

Да и по силам мне теперь,

Я вырос, стал упёртый.

Я обязательно найду

Семью, что разлучили,

Про смерть отца им расскажу,

Моля, чтобы простили.

Они, наверно, по ЖД,

уехали с вокзала,

И оказались в той стране,

Что родным домом стала.

Я знаю точно, вера там,

Им помощь оказала,

Что не достались врагам,

Семья, что так страдала.

Что сестры думают о нем,

Волнуются и знают,

Что мы спаслись с моим отцом,

Здоровья нам желают.

Я думаю, настанет день

И я поеду в гости,

Перевалюсь за этот крен

Агрессии и злости.

Ну, а пока я буду тут

И пригожусь я бабке,

За мной, надеюсь, не придут,

Работать буду с цапки.

Мы стали близкие друзья,

Моя старушка – чудо,

И не забуду никогда,

Я в памяти, покуда.

И как-то утром, как всегда,

Я вскипятил нам чайник,

Старушка не пришла тогда,

Не встретил в умывальне.

Не встретил в кухне за столом,

В саду, гостиной тоже,

Прошел я в спальню на втором

По лестнице с прихожей.

Я в дверь негромко постучал,

А там за нею тихо,

Ее по имени позвал

И сердце бьется лихо.

Устал я ждать и к ней зашёл,

Она лежит, не дышит,

Я пульс потрогать подошёл,

И чуть шептал, не слышит.

Я понял, больше ее нет,

Как и отца со мною

И лица белый ее цвет

Я приложил губою.

«Ты спи, моя подруга дней,

Иди на встречу с сыном,

Приобними его скорей

И поклонись святыням».

Мне довелось ее хранить,

Я сделал это с честью,

Могилу мне пришлось разрыть

И прикопать под жемью.

За домом, где свел муравьев,

Чуть сбоку от фасада.

Под пенье звонких соловьев

Ее большого сада.

Когда закапывал, я знал,

Ее душа покойна,

И слез пред ней не проливал

И мне теперь спокойно.

Я дал себе недели две,

На сборы и маршруты,

Чтобы отправиться к семьею

Бежать от этой смуты.

Я разыщу тебя, ты знай,

Любимая ты, Мама,

Приеду, ты меня признай

Ох, встреча, будет драма.

Я карту бабкину нашёл,

Построил путь, маршруты,

Места, где б реку перешел,

Вмиг вывел за минуты,

Что пригодятся мне в пути

К семье, родным и близким

До Лондона буду идти

Маршрут будет тернистым.

И вот настал мой вечер икс,

Покинул дом старушки,

Создал себе идею фикс,

Пройти я вброд речушки.

На улице совсем темно,

Бесшумно и уныло,

Народ боится уж давно

Гонений, что накрыло.

Я тенью двигался вдоль стен,

От звуков замирая,

Словно витринный манекен

себя тьмой накрывая

Проворно, знаю, что к реке

За коей будет поле

Спасение на той стороне,

Рубеж к свободе, воля.

Крадусь, и вижу тень солдат,

Что движутся на встречу

И явно встречи я не рад,

И что я им отвечу.

Когда вопросы зададут:

Кто я? И что блуждаю?

Возможно, сразу изорвут,

Евреем коль признают.

Я затаился, сев в кусты,

Решил тут отсидеться

И жду, чтобы они прошли,

Осталось лишь стерпеться.

Они сровнялись, говорят

Про фюрера идеи,

Его идеям я не рад

Величием затеи.

Что истребят они весь свет,

Людей на удобрения,

Что лет так пять, придёт рассвет

Арийского движения.

От слов их стало холодать,

Что за движенье в мире,

Как можно люд уничтожать,

Увидеть их в могиле.

Они исчезли, не видать,

Я двинул к водной глади

Все так же в сумраке шагать,

Оставив город сзади.

Мне освещала путь звезда

И лунное окошко,

Ты жди, любимая семья,

Осталось мне немножко.

Я знаю точно, я дойду

И встретимся мы снова,

Во чтоб не стало – вас найду

И обниму толково.

Я подошёл уже к реке,

Что волнами играла,

И видно лодку в стороне -

Доплыть на ней с причала?

Да лодка старая была,

Худая и вся сгнила,

Она б на дно сейчас пошла,

Осталась в царстве ила.

Решил я по мосту идти,

Но там весьма опасно.

И нет условий обойти,
Пошел, хоть и напрасно.

Я незаметно подступил
К мосту, что был висячий
И аккуратно проскочил
Людей спиной стоящих.

Крадусь по старым балкам я,
А мост, предатель, – стонет,
Чтоб не добрался я тогда,
Внимание приводит.

И вот я посреди моста,

Вибрирует все сильно,

Мне освещает путь луна,

чем выдаёт обильно.

Я на мосту тут как мишень,

Подсвеченный Луною,

И каждый шаг тут, как ступень,

Я этот скрип не скрою.

Услышал возгласы из тьмы,

Что разносились встречно,

Туда мне точно не дойти,

Я тут застрял навечно.

Я чувствую, качнулся мост,

Что мне идут на встречу,
Вибрации большой прирост,
Уж тени их примечу.

И заиграла во мне мысль,
Куда же тут податься,
Наверно, за борт прыгать смысл,
До берега добраться.

Я сиганул во мрак глубин,
А что мне оставалось,
Пошёл на этот я почин,
Чтоб муки не досталось.

Удар пришёлся по спине,
Я растерялся дико,
В бурлящей пенной полынье
Закрученный был лихо.

Меня активно понесло
Прочь, от моста с тенями
И мчала, им скорей на зло
В бурление с пузырями.

Я загребал скорей, как мог,
Гонимый водной массой,
Ее поток мне столь помог,
Исполнив путь мне трассой.

С трудом увидел край земли

Другого побережья,

Он показался с темноты,

Спасла меня надежда.

Спасибо, папа, что учил

Бороться со стихией,

Пловца возможности привил,

Ты стал моим миссией.

Ещё гребок, касание дна,

И вот желанный берег,

Река серьёзно извела,

Добавив мне истерик.

Неспешно вышел, полежал,

Восстановил дыханье,

Расслабиться я не желал

И привлекать внимание.

Обсох и двинулся вперёд,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.